

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 341.221

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2\(20\)-106-120](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-106-120)

Водные ресурсы и право на воду в международном праве: устойчивое управление трансграничными водами Центральной Азии

Андрей Валерьевич Тен^{1a}✉, Нурлан Мамбетакунунович Чолоев^{2b}✉

^{1,2} Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

^a alu.andrei@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8569-3947>

^b choloev_n@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1651-5061>

Аннотация. В статье проводится всесторонний анализ международно-правовых основ права человека на воду и механизмов устойчивого управления трансграничными водными ресурсами в контексте региона Центральной Азии. Актуальность исследования обусловлена усиливающимся воздействием климатических изменений, таянием ледников, нарастающим водным дефицитом и сохраняющимся дисбалансом интересов государств верхнего и нижнего течений в бассейнах рек Амударья и Сырдарья. Целью настоящей работы является глубокий анализ формирования права на воду в международном правовом контексте, изучение ключевых принципов международного водного права и их значимости для регулирования трансграничных водных отношений в Центральной Азии, с особым акцентом на интересы Кыргызской Республики. Методологическая база исследования включает в себя формально-юридический,

сравнительно-правовой, системный и институциональный подходы, а также анализ международных договоров, актов органов ООН, практики Международного суда ООН и региональных механизмов водного сотрудничества. В результате проведенного исследования установлено, что право на воду функционирует на пересечении международного права прав человека, международного экологического права и права международных водотоков, что требует комплексного подхода к его регулированию. Обосновано, что эффективное управление трансграничными водными ресурсами предполагает соблюдение принципов справедливого и разумного использования, предотвращения значительного трансграничного ущерба, сотрудничества, обмена информацией и учета интересов будущих поколений. В заключение сделан вывод о необходимости дальнейшего развития международно-правовых и институциональных механизмов водного сотрудничества в Центральной Азии, что является критически важным для обеспечения региональной стабильности, экологической безопасности и реализации права населения на воду.

Ключевые слова: право на воду, международное водное право, трансграничные водные ресурсы, устойчивое развитие, водная безопасность, Центральная Азия

Для цитирования: Тен А.В., Чолоев Н.М. Водные ресурсы и право на воду в международном праве: устойчивое управление трансграничными водами Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 106-120, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2\(20\)-106-120](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-106-120)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2\(20\)-106-120](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-106-120)

Water Resources and the Right to Water in International Law: Sustainable Management of Transboundary Waters in Central Asia

Andrey V. Ten^{1a}✉, Nurlan M. Choloev^{2b}✉

^{1,2} Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

^a alu.andrei@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8569-3947>

^b choloev_n@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1651-5061>

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the international legal framework for the human right to water and mechanisms for sustainable management of transboundary water resources in the context of the Central Asian region. The relevance of the study is determined by the increasing impact of climate change, melting glaciers, growing water scarcity, and the persistent imbalance of interests between upstream and downstream states in the Amu Darya and Syr Darya river basins. The purpose of this work is to analyze in-depth the formation of the right to water in the international legal context, to study the key principles of international

water law and their significance for regulating transboundary water relations in Central Asia, with a particular emphasis on the interests of the Kyrgyz Republic. The methodological basis of the study includes formal-legal, comparative-legal, systemic, and institutional approaches, as well as an analysis of international treaties, acts of UN bodies, the practice of the International Court of Justice, and regional mechanisms for water cooperation. The study established that the right to water operates at the intersection of international human rights law, international environmental law, and the law of international watercourses, which requires an integrated approach to its regulation. It is substantiated that effective transboundary water resource management requires adherence to the principles of equitable and reasonable use, prevention of significant transboundary damage, cooperation, information exchange, and consideration of the interests of future generations. The study concludes by emphasizing the need for further development of international legal and institutional mechanisms for water cooperation in Central Asia, which is critical for ensuring regional stability, environmental security, and the realization of the population's right to water.

Keywords: right to water, international water law, transboundary water resources, sustainable development, water security, Central Asia

For citation: Ten A.V., Choloev N.M. Water Resources and the Right to Water in International Law: Sustainable Management of Transboundary Waters in Central Asia. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 2(20): 106-120, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2\(20\)-106-120](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-106-120)

Введение

Вода является стратегическим природным ресурсом и фундаментальной основой устойчивого развития, социальной стабильности и международной безопасности¹. В условиях изменения климата, роста населения, деградации экосистем и увеличения трансграничной конкуренции за водные ресурсы вопросы доступа к безопасной питьевой воде и справедливого распределения вод становятся предметом не только внутренней политики государств, но и международно-правового регулирования [2; 5].

Особую актуальность данные проблемы приобретают в Центральной Азии – регионе с высокой степенью трансграничности водных объектов, выраженной асимметрией интересов государств верхнего и нижнего течения и критической зависимостью социально-экономического развития от водопользования² [1]. Реки Амударья и Сырдарья, являясь трансграничными водотоками, одновременно выступают источником сотрудничества и потенциальной конфликтности [3; 4], что делает Центральную Азию показательным регионом для анализа эффективности международно-правовых механизмов устойчивого управления водными ресурсами.

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сент. 2015 г. № 70/1. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>; Устойчивое горное развитие: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 дек. 2022 г. № 77/158. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/77/158>; The United Nations World Water Development Report 2024: Water for Prosperity and Peace. Paris: UNESCO, 2024. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/united-nations-world-water-development-report-2024-water-prosperity-and-peace>.

² IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Chapter 10: Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/chapter/chapter-10/>.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ международно-правовых аспектов формирования и реализации права на воду, а также принципов устойчивого управления трансграничными водными ресурсами на примере государств Центральной Азии с учетом их значения для национальной водной политики и регионального международного сотрудничества.

Материалы и методы

Эмпирическую и нормативную основу исследования составили универсальные и региональные международно-правовые акты, регулирующие вопросы права на воду и использования трансграничных водных ресурсов, включая Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенцию ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г., Конвенцию ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г., резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, документы Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, а также материалы международных и региональных институтов, связанных с водным сотрудничеством в Центральной Азии.

В качестве источников также использованы решения международных судебных и квазисудебных органов, научные труды по международному водному праву, правам человека, международному экологическому праву и региональному водному сотрудничеству.

В исследовании применены: формально-юридический метод, позволивший раскрыть содержание международно-правовых норм и принципов; сравнительно-правовой метод – для сопоставления универсальных и региональных подходов; системный метод – для выявления взаимосвязи права на воду, устойчивого развития и международного сотрудничества; институциональный метод – для анализа деятельности региональных водных механизмов Центральной Азии. Использование указанных методов позволило комплексно оценить международно-правовые основы устойчивого управления трансграничными водными ресурсами и определить их значение для Кыргызской Республики.

Результаты исследования

Формирование права на воду в международном праве

Право на воду как самостоятельная правовая категория сравнительно недавно получило формальное признание в системе международного права прав человека, однако его концептуальные и нормативные истоки восходят к более ранним универсальным и региональным международно-правовым актам [2]. На протяжении длительного времени доступ к воде рассматривался преимущественно как элемент

экономического развития, санитарии и охраны окружающей среды, не обладая самостоятельным правовым статусом.

Ключевым этапом институционализации права на воду стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции 64/292 от 28 июля 2010 г., в которой право на безопасную и чистую питьевую воду и санитарные услуги было прямо признано неотъемлемым правом человека, необходимым для полного осуществления всех прав человека³. Данная резолюция закрепила политико-правовой консенсус международного сообщества и стала отправной точкой для дальнейшего развития нормативного содержания права на воду.

Нормативной основой права на воду выступают положения Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.⁴, прежде всего статьи 11, закрепляющей право на достаточный жизненный уровень, и статьи 12, закрепляющей право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Их доктринальное толкование было детально раскрыто в Общем комментарии № 15 Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (2002 г.), сыгравшем фундаментальную роль в формировании современного понимания права на воду⁵.

В Общем комментарии № 15 Комитет впервые системно сформулировал содержание права на воду, определив его как право каждого человека на достаточное, безопасное, приемлемое, физически и экономически доступное водоснабжение для личных и бытовых нужд⁶. Документ выделяет ключевые структурные элементы данного права: доступность, качество, приемлемость, недискриминацию, а также устойчивость водоснабжения. Особое внимание уделяется позитивным обязательствам государств по уважению, защите и обеспечению права на воду, включая предотвращение загрязнения водных ресурсов и недопущение произвольного отключения водоснабжения.

Формирование права на воду также происходило в рамках других международных договоров и документов. Так, Конвенция о правах ребенка 1989 г. закрепляет обязательства государств обеспечивать доступ детей к чистой питьевой воде⁷, а Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении

³ Право человека на воду и санитарии: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июля 2010 г. № 64/292. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/64/292>.

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

⁵ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 15 (2002): Право на воду (статьи 11 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах): док. ООН E/C.12/2002/11. URL: https://www2.ohchr.org/english/issues/water/docs/CESCR_GC_15.pdf.

⁶ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 15 (2002): Право на воду (статьи 11 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах): док. ООН E/C.12/2002/11. URL: https://www2.ohchr.org/english/issues/water/docs/CESCR_GC_15.pdf.

⁷ Конвенция о правах ребенка: принята Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 нояб. 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

женщин 1979 г. рассматривает доступ к воде как элемент обеспечения равенства и достойных условий жизни⁸. Эти положения свидетельствуют о межотраслевом характере права на воду и его тесной связи с защитой уязвимых групп населения.

Важную роль в развитии права на воду сыграло международное экологическое право, в частности Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г.⁹ и концепция устойчивого развития. Принципы интегрированного управления водными ресурсами, экосистемного подхода и межпоколенческой справедливости способствовали сближению прав человека и экологических стандартов в сфере водопользования.

Таким образом, формирование права на воду в международном праве представляет собой эволюционный процесс, в рамках которого вода трансформируется из объекта хозяйственного регулирования в универсальную правовую ценность, находящуюся на пересечении международного права прав человека, международного экологического права и права международных водотоков.

Международно-правовые принципы устойчивого управления водными ресурсами

Устойчивое управление водными ресурсами в международном праве формируется на основе совокупности универсальных принципов, выработанных как в договорной практике государств, так и в рамках деятельности международных организаций и судебных органов. Эти принципы призваны обеспечить баланс между суверенными правами государств на использование водных ресурсов и обязанностью предотвращать ущерб другим государствам, окружающей среде и будущим поколениям.

К числу ключевых международно-правовых принципов устойчивого управления водными ресурсами относятся:

- **Принцип справедливого и разумного использования**

Принцип справедливого и разумного использования международных водотоков является краеугольным камнем современного международного водного права. Он закреплен в статьях 5–6 Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. и предполагает, что каждое водопользующее государство имеет право на справедливую долю использования водных ресурсов с учетом интересов других прибрежных государств¹⁰.

⁸ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята Резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 дек. 1979 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.

⁹ Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.

¹⁰ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков: принята Резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи ООН от 21 мая 1997 г. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf.

При определении справедливости учитываются такие факторы, как географические и гидрологические особенности бассейна, социально-экономические потребности населения, существующее и потенциальное использование воды, сохранение экосистем и защита окружающей среды.

В практике Центральной Азии данный принцип имеет особое значение в контексте распределения водных ресурсов бассейнов рек Амударья и Сырдарья [1; 5]. Государства верхнего течения – Кыргызская Республика и Республика Таджикистан – заинтересованы в использовании водных ресурсов преимущественно для гидроэнергетических целей, тогда как государства нижнего течения – Узбекистан, Казахстан и Туркменистан – для ирригации и сельского хозяйства. Конфликт интересов в регионе наглядно демонстрирует сложность практической реализации принципа справедливого и разумного использования при отсутствии юридически обязательного многостороннего соглашения, полностью соответствующего стандартам Конвенции 1997 г.

- **Принцип предотвращения значительного трансграничного вреда**

Принцип предотвращения значительного трансграничного вреда закреплен в статье 7 Конвенции 1997 г.¹¹ и является развитием общей нормы международного экологического права, признанной Международным Судом ООН, в частности, в делах Corfu Channel и Pulp Mills on the River Uruguay¹². Он возлагает на государства обязанность принимать все надлежащие меры для предотвращения причинения существенного ущерба другим государствам в результате использования международных водотоков.

В Центральной Азии данный принцип актуализируется в связи с рисками, связанными с изменением режима водохранилищ, строительством гидротехнических сооружений и деградацией экосистем, включая кризис Аральского моря [3; 6]. Масштабные экологические последствия неkoordinированного водопользования в бассейне Арала часто рассматриваются в доктрине как пример недостаточной реализации принципа предотвращения трансграничного вреда и отсутствия эффективных механизмов ответственности.

- **Принцип сотрудничества и обмена информацией**

Принцип сотрудничества государств в управлении трансграничными водными ресурсами предполагает регулярный обмен данными, проведение консультаций, уведомление о планируемых мерах и создание совместных институциональных механизмов. Он закреплен как в Конвенции ООН 1997 г., так и в Хельсинкской конвенции ЕЭК ООН 1992 г.¹³, которая делает особый акцент на институционализации сотрудничества через совместные комиссии.

В Центральной Азии данный принцип реализуется через деятельность Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии, а также

¹¹ Там же.

¹² Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay): Judgment // I.C.J. Reports, 2010. P. 14.

¹³ Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 г.). URL: <https://unece.org/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf>.

Международного фонда спасения Арала¹⁴. Однако, как отмечают эксперты ООН и региональные исследователи, существующие механизмы носят преимущественно координационный, а не юридически обязательный характер, что снижает их эффективность в условиях политических и экономических разногласий между государствами региона.

- **Принцип устойчивого развития и межпоколенческой справедливости**

Принцип устойчивого развития, сформулированный в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г.¹⁵, тесно связан с концепцией межпоколенческой справедливости. Он предполагает, что использование водных ресурсов должно осуществляться таким образом, чтобы не подрывать возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности.

В водном контексте данный принцип означает необходимость интеграции экологических, социальных и экономических аспектов управления водными ресурсами. В Центральной Азии он приобретает особую значимость в условиях изменения климата, сокращения ледников и роста водного дефицита¹⁶. Политика краткосрочного национального водопользования без учета долгосрочных последствий рассматривается в доктрине как несовместимая с международно-правовыми стандартами устойчивого управления.

Трансграничные водные ресурсы и международное сотрудничество

Трансграничные водные ресурсы занимают центральное место в современном международном водном праве, поскольку более 260 речных бассейнов и значительное количество подземных водоносных горизонтов находятся в совместном пользовании двух и более государств [3]. В таких условиях реализация права на воду неразрывно связана с эффективным международным сотрудничеством, институционализированным управлением и соблюдением взаимных обязательств государств.

Международно-правовая доктрина исходит из того, что совместное использование трансграничных водных объектов требует создания устойчивых механизмов координации, включая двусторонние и многосторонние соглашения о распределении и использовании водных ресурсов, совместные межгосударственные

¹⁴ Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников от 18 февр. 1992 г. (Алма-Атинское соглашение).

¹⁵ Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.

¹⁶ The United Nations World Water Development Report 2024: Water for Prosperity and Peace. Paris: UNESCO, 2024. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/united-nations-world-water-development-report-2024-water-prosperity-and-peace>; IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Chapter 10: Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/chapter/chapter-10/>.

комиссии и бассейновые органы, процедуры обмена гидрологической и экологической информацией, а также механизмы предупреждения и урегулирования споров.

Данные элементы закреплены в универсальных международно-правовых актах в сфере использования международных водотоков и трансграничных вод, а также получили развитие в региональной договорной практике государств Центральной Азии.

• **Практика международных судебных и квазисудебных органов**

Практика Международного суда ООН и международных арбитражей подтверждает тенденцию к комплексному рассмотрению водных споров с учетом экологических обязательств, принципа устойчивого развития и интересов населения.

В деле *Gabčíkovo-Nagymaros Project* (Венгрия против Словакии, 1997) Международный суд ООН подчеркнул, что принцип справедливого и разумного использования трансграничных вод должен применяться с учетом меняющихся экологических и социальных условий, а государства обязаны сотрудничать в поиске устойчивых решений, а не руководствоваться исключительно суверенными интересами¹⁷.

В деле *Pulp Mills on the River Uruguay* (Аргентина против Уругвая, 2010) Суд признал обязательность проведения оценки воздействия на окружающую среду как элемента международного обычного права, что имеет прямое значение для защиты водных ресурсов и реализации права населения на безопасную воду¹⁸.

В консультативных заключениях и докладах Комиссии международного права ООН также подчеркивается, что нарушение режима сотрудничества и обмена информацией в отношении трансграничных водных объектов может рассматриваться как самостоятельное международно-противоправное деяние.

• **Центральная Азия как регион повышенной водной уязвимости**

Центральная Азия представляет собой один из наиболее показательных регионов с точки зрения взаимосвязи трансграничных водных ресурсов, устойчивого развития и реализации права на воду. Основные водные артерии региона – реки Амударья и Сырдарья – являются трансграничными и обеспечивают жизнедеятельность пяти государств: Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Туркменистана.

Исторически сложившаяся асимметрия интересов государств верхнего и нижнего течения, заключающаяся в различии гидроэнергетических и ирригационных потребностей, обуславливает необходимость институционализированного сотрудничества¹⁹ [1]. В этой связи важную роль играют Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия, Международный фонд спасения Арала, а также двусторонние соглашения о водопользовании и энергетическом обмене.

17 *Gabčíkovo-Nagymaros Project* (Hungary / Slovakia): Judgment // I.C.J. Reports, 1997. P. 7.
18 *Pulp Mills on the River Uruguay* (Argentina v. Uruguay) : Judgment // I.C.J. Reports, 2010. P. 14.
19 Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников от 18 февр. 1992 г. (Алма-Атинское соглашение). URL: http://icwc-aral.uz/statute1_ru.htm.

Таблица. Основные трансграничные водные объекты Кыргызской Республики и направления водопользования

Table. The Main Transboundary Water Bodies of the Kyrgyz Republic and Directions of Water Use

Трансграничный водный объект	Положение Кыргызской Республики	Государства течения	Основные направления водопользования	Международно-правовое значение
Река Нарын (бассейн Сырдарья)	Государство верхнего течения	Узбекистан, Казахстан	Гидроэнергетика (Токтогульский каскад ГЭС), регулирование сезонного стока	Применение принципов справедливого и разумного использования, предотвращение трансграничного вреда, необходимость согласования режимов работы ГЭС
Река Сырдарья (через систему Нарын-Сырдарья)	Косвенное участие через верховья	Узбекистан, Казахстан	Ирригация, сельское хозяйство, водоснабжение	Реализация права на воду населения нижнего течения, значение сотрудничества и обмена информацией
Река Чу	Совместное использование	Казахстан	Орошение, питьевое водоснабжение, экосистемные услуги	Двусторонние соглашения и совместные комиссии, пример институционализированного сотрудничества
Река Талас	Совместное использование	Казахстан	Сельское хозяйство, коммунальное водоснабжение	Реализация принципов равноправного участия и устойчивого управления
Подземные трансграничные водоносные горизонты (Чуйская долина)	Совместное использование	Казахстан	Питьевое водоснабжение, сельское хозяйство	Актуализация норм международного права подземных вод, необходимость совместного мониторинга
Малые трансграничные притоки (Исфара, Сох и др.)	Частично верхнее течение	Таджикистан, Узбекистан	Ирригация, местное водоснабжение	Потенциальные локальные конфликты, значимость превентивного сотрудничества

Источник: составлено авторами на основе нормативных актов²⁰
Source: compiled by the authors based on regulatory documents²⁰

Несмотря на наличие указанных механизмов, практика региона демонстрирует, что отсутствие юридически обязательных режимов распределения стока, а также недостаточная интеграция экологических и правочеловеческих стандартов затрудняют эффективную реализацию права на воду [3]. Проблемы Аральского моря, деградация экосистем и рост дефицита питьевой воды в ряде районов Центральной Азии наглядно подтверждают необходимость усиления международно-правового подхода к управлению трансграничными водами.

20 Водный кодекс Кыргызской Республики от 12 января 2005 г. № 8. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1605/edition/1201418/ru>; Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы: утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 31 окт. 2018 г. № 221. URL: [https://policy.thinkbluedata.com/sites/default/files/National%20Development%20Strategy%20of%20the%20Kyrgyz%20Republic%20for%202018-2040%20\(RU\).pdf](https://policy.thinkbluedata.com/sites/default/files/National%20Development%20Strategy%20of%20the%20Kyrgyz%20Republic%20for%202018-2040%20(RU).pdf).

В контексте Центральной Азии право на воду постепенно выходит за рамки исключительно ресурсного подхода и всё чаще рассматривается через призму прав человека и устойчивого развития. Рекомендации специальных докладчиков ООН по вопросу о праве на безопасную питьевую воду и санитарии подчеркивают, что государства региона обязаны²¹ учитывать потребности уязвимых групп населения при водораспределении, обеспечивать транспарентность и участие общественности в принятии решений, а также интегрировать стандарты прав человека в водные и энергетические соглашения.

Представленные данные таблицы демонстрируют, что Кыргызская Республика занимает стратегическое положение государства верхнего течения по ключевым трансграничным водным объектам Центральной Азии. Это обуславливает особую ответственность Кыргызстана в контексте международного водного права, включая соблюдение принципов справедливого и разумного использования, предотвращения значительного трансграничного вреда и добросовестного сотрудничества с государствами нижнего течения.

Таблица наглядно подтверждает, что реализация права на воду в регионе не может рассматриваться исключительно в национальных границах и требует комплексного международно-правового и институционального подхода, сочетающего водную, энергетическую и экологическую политику.

Таким образом, трансграничные водные ресурсы становятся не только объектом межгосударственных договоренностей, но и сферой, в которой формируется синтез международного водного права, международного экологического права и прав человека. Для государств Центральной Азии данный подход представляет собой ключевое условие устойчивого развития, региональной стабильности и предотвращения потенциальных конфликтов.

Право на воду и устойчивое развитие: международно-правовые и институциональные механизмы в Центральной Азии

Цели устойчивого развития ООН, в частности ЦУР 6 «Чистая вода и санитария», закрепляют комплексный подход к управлению водными ресурсами²², интегрирующий правозащитное измерение с экологическими, социальными и экономическими аспектами. В рамках ЦУР 6 государства обязаны обеспечивать доступность и устойчивость водоснабжения, улучшать санитарные условия, внедрять эффективные системы управления водными ресурсами и развивать международное сотрудничество по трансграничным водам.

21 Доклад Специального докладчика по вопросу о правах человека на безопасную питьевую воду и санитарии: док. ООН А/НRC/30/39. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/30/39>.

22 Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сент. 2015 г. № 70/1. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>.

На международном уровне ключевую роль в поддержке государств играют²³ [5]: Организация Объединенных Наций – через Программу ООН по окружающей среде, Департамент по экономическим и социальным вопросам и специализированные агентства, такие как ЮНИСЕФ, реализующие проекты по обеспечению безопасной питьевой воды; Всемирный банк и Азиатский банк развития – предоставляют финансовую и техническую поддержку реформам водного сектора, проектам по ирригации, гидроэнергетике и охране экосистем; региональные инициативы – в Центральной Азии это Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия, Международный фонд спасения Арала, а также программы по управлению бассейнами Амударьи и Сырдарьи, направленные на гармонизацию интересов верхнего и нижнего течения.

Институциональные механизмы устойчивого управления водными ресурсами в регионе включают: многосторонние и двусторонние соглашения, регулирующие распределение воды для ирригации и гидроэнергетики; совместные комиссии и органы бассейнового управления, осуществляющие мониторинг водных ресурсов, координацию использования стока и решение споров между государствами региона; информационно-аналитические и научные платформы, в рамках которых осуществляются обмен гидрологическими данными и оценка экологических рисков; программы адаптации к изменению климата, направленные на снижение уязвимости гидросистем Центральной Азии, включая таяние ледников, сезонные колебания стока и деградацию экосистем.

В качестве практических примеров можно выделить следующие.

Во-первых, противоречия вокруг использования водных ресурсов бассейнов Амударьи и Сырдарьи в 1990-х гг., обусловленные различием интересов государств верхнего и нижнего течения, способствовали созданию многосторонних соглашений²⁴ и совместных комиссий, однако отсутствие юридически обязательных механизмов распределения стока продолжает сохранять риски напряженности.

Во-вторых, проект Камбар-Атинской ГЭС-1 представляет собой показательный пример современного трансграничного водно-энергетического сотрудничества в Центральной Азии. В международно-правовом измерении данный проект отражает практическую значимость принципов сотрудничества, справедливого и разумного использования трансграничных водных ресурсов, а также недопущения существенного трансграничного ущерба.

В-третьих, кризис Аральского моря остается ярким примером недостаточной реализации международных стандартов устойчивого водопользования [3; 6]. Международные организации, включая ООН, Всемирный банк и Международный

23 The United Nations World Water Development Report 2024: Water for Prosperity and Peace. Paris: UNESCO, 2024. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/united-nations-world-water-development-report-2024-water-prosperity-and-peace>.

24 Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников от 18 февр. 1992 г. (Алма-Атинское соглашение). URL: http://icwc-aral.uz/statute1_ru.htm.

фонд спасения Арала, участвуют в разработке региональных программ по восстановлению экосистем и обеспечению прав населения на воду, что демонстрирует важность сочетания международного права, экологических стандартов и прав человека в практике Центральной Азии.

Этот опыт показывает, что устойчивое управление трансграничными водами Центральной Азии требует не только институционализированных механизмов, но и гибкого применения международных принципов права на воду, активного сотрудничества между государствами, а также вовлечения международных экспертов. Эффективность этих механизмов зависит от политической воли государств, юридической обязательности соглашений и интеграции международного права с национальными и региональными практиками.

Значение международно-правовых подходов для Кыргызской Республики

Для Кыргызской Республики, обладающей значительным гидроресурсным потенциалом и расположенной в верховьях трансграничных водотоков Центральной Азии, вопросы международно-правового регулирования водных ресурсов имеют стратегическое значение. Имплементация международных стандартов права на воду и принципов устойчивого управления способствует укреплению регионального сотрудничества, снижению риска конфликтов и обеспечению водной безопасности как внутри страны, так и в регионе в целом.

С точки зрения международного права Кыргызстан обязан учитывать принципы справедливого и разумного использования, предотвращения значительного трансграничного вреда и сотрудничества, закрепленные в Конвенции ООН 1997 г. и других международных договорах²⁵ [1].

Особое значение для Кыргызстана имеют следующие направления: программы адаптации к изменению климата и модернизация гидросистем, позволяющие учитывать долгосрочные последствия изменения климата и обеспечивать устойчивость водных ресурсов для населения и экономики²⁶; обеспечение права на воду для населения, включая снабжение отдаленных и сельских районов безопасной питьевой водой с учетом потребностей уязвимых групп²⁷; участие в региональных экологических и научных платформах,

²⁵ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков: принята Резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи ООН от 21 мая 1997 г. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf.

²⁶ Там же.

²⁷ Водный кодекс Кыргызской Республики от 12 января 2005 г. № 8. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1605/edition/1201418/ru>; Доклад Специального докладчика по вопросу о правах человека на безопасную питьевую воду и санитарии: док. ООН А/НRC/30/39. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/30/39>.

обеспечивающих обмен данными, оценку экологических рисков и интеграцию международных стандартов управления в национальную практику²⁸.

Таким образом, Кыргызская Республика демонстрирует пример интеграции международного права, принципов устойчивого развития и прав человека в национальные и региональные механизмы водного управления. Эффективность этих механизмов зависит от политической воли, юридической обязательности соглашений и участия международных экспертов, что укрепляет водную безопасность и сотрудничество в Центральной Азии.

Выводы

Международно-правовое признание права на воду и развитие механизмов устойчивого управления водными ресурсами отражают эволюцию современного международного права в ответ на глобальные вызовы. В Центральной Азии трансграничные воды становятся зоной синтеза международного водного права, экологических стандартов и прав человека.

Эффективная реализация данных норм требует институционального взаимодействия и регионального сотрудничества; интеграции экологических и правозащитных подходов в национальные политики [1; 5]; обеспечения участия общественности и учета интересов уязвимых групп населения.

Для Кыргызстана и Центральной Азии в целом устойчивое управление водными ресурсами является не только инструментом экологической и социальной стабильности, но и важнейшим элементом региональной безопасности, экономического развития и предотвращения конфликтов.

Список литературы

1. Зиганшина Д.Р. Международное право и управление трансграничными водными ресурсами в Центральной Азии [International Law and the Management of Transboundary Water Resources in Central Asia]. Ташкент: Baktria Press, 2021. 256 с.
2. Gleick P.H. The Human Right to Water // Water Policy. 1998. Vol. 1. № 5. P. 487–503.
3. McCracken P., Wolf A.T. Updating the Register of International River Basins of the World // International Journal of Water Resources Development. 2019. Vol. 35. № 5. P. 732–755.
4. Wolf A.T. Shared Waters: Conflict and Cooperation // Annual Review of Environment and Resources. 2007. Vol. 32. P. 241–269.
5. Wouters P.K., Vinogradov S., Magsig B.-O. Water Security, Hydrosolidarity, and International Law: A River Runs Through It... // Yearbook of International Environmental Law. 2009. Vol. 19. № 1. P. 97–134.
6. Ziganshina D. Promoting Transboundary Water Security in the Aral Sea Basin through International Law. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2014.

Информация об авторах

ТЕН Андрей Валерьевич. Доктор юридических наук. Профессор Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. <https://orcid.org/0009-0001-8569-3947>. Адрес: Кыргызская Республика, 720040, г. Бишкек, б-р Эркиндик, 36. alu.andrei@gmail.com

²⁸ Доклад Специального докладчика по вопросу о правах человека на безопасную питьевую воду и санитарии: док. ООН А/НRC/30/39. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/30/39>.

ЧОЛОЕВ Нурлан Мамбетакунович. Докторант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. <https://orcid.org/0009-0009-1651-5061>. Адрес: Кыргызская Республика, 720040, г. Бишкек, б-р Эркиндик, 36. choloev_n@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 9 апреля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

Журнал «Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование данной статьи.

References

1. Ziganshina D.R. International Law and the Management of Transboundary Water Resources in Central Asia. Tashkent: Baktria Press, 2021. 256 p. [In Russian].
2. Gleick P.H. The Human Right to Water. *Water Policy*. 1998; 1(5):487–503 [In English].
3. McCracken, P., Wolf, A. T. Updating the Register of International River Basins of the World. *International Journal of Water Resources Development*. 2019; 35(5):732–755 [In English].
4. Wolf A.T. Shared Waters: Conflict and Cooperation. *Annual Review of Environment and Resources*. 2007; 32:241–269 [In English].
5. Wouters P.K., Vinogradov S., Magsig B.-O. Water Security, Hydrosolidarity, and International Law: A River Runs Through It... *Yearbook of International Environmental Law*. 2009; 19(1):97–134 [In English].
6. Ziganshina D. Promoting Transboundary Water Security in the Aral Sea Basin through International Law. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2014 [In English].

About the authors

Andrey V. TEN. DSc. (Law). Professor at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. <https://orcid.org/0009-0001-8569-3947>. Address: 36 Erkindik Blvd., Bishkek, 720040, Kyrgyz Republic. alu.andrei@gmail.com

Nurlan M. CHOLOEV. Doctoral Candidate at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. <https://orcid.org/0009-0009-1651-5061>. Address: 36 Erkindik Blvd., Bishkek, 720040, Kyrgyz Republic. choloev_n@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: April 9, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.